

ВЕРНОСТЬ ЩЕПКИНСКИМ ЗАВЕТАМ

ОТМЕЧАЯ 160-летие, можно с гордостью сказать, что всегда Малый театр шел по дороге жизненной правды, ленинским путем, со своим народом.

И в дни юбилея нас ждал чудесный подарок: издательство «Искусство» выпустило в свет двухтомное собрание документов, воссоздающих творческий путь Михаила Семеновича Щепкина, великого основоположника могучих реалистических традиций русского театрального искусства.

Александр Иванович Южин любил повторять, что на сцене и за кулисами Малого театра он всего более побивается добрейшего старика с тяжелой тростью в руке, и показывал на тот знаменитый репинский портрет Михаила Семеновича, который был написан почти век назад к столетию со дня его рождения, который и сегодня встречает нас, работников Малого театра, и зрителей в нашем верхнем фойе. Всем нам хорошо знаком так проницательно угаданный Репиным приветливый, подбадривающий, всепонимающий и требовательный взгляд неутомимого мудреца-актера — таким живет Щепкин в нашем сознании.

Сборник открывается воспроизведением другого, давно утраченного, известного лишь в репродукции портрета работы Тропинина. На нем мы видим Щепкина в расцвете сил, полным кипящей молодой энергии и спокойной, светлой веры в свое дело. Наверное, именно таким был Щепкин в ту пору, когда в его творческую жизнь вошли бессмертные комедии Грибоедова и Гоголя, когда сам Пушкин принудил актера взяться за мемуары. И когда

Малому театру исполняется 160 лет. Большой путь прошел театр, но всегда оставался верен щепкинской традиции — «старайся быть в обществе, изучай человека в массе».

Щепкин добивался вдумчивого изучения роли, естественной, правдивой речи. Он первый выдвинул принцип для актера: искать при исполнении роли не эффектов, не успехов, не выигрышных положений, бессмысленных выкриков и бормотаний, но выражения и воплощения идеи автора, жизненную правдивую речь. Это было реалистическое, мудрое мастерство актера, дающее ему право со сцены говорить зрителю правду, вносить высокие мысли.

Во главе с Островским и близкими ему друзьями, гениальными Садовски-

ми вырисовывалась романтически-бытовая линия Малого театра, а любимая ученица Щепкина — Федотова, свято следуя заветам своего учителя, несла яркую, романтически-трагедийную линию, подхваченную Ермоловой, Ленским, Южиным. Так обе эти линии, соединенные в одно созвездие великолепных актеров, подтверждали мысль Щепкина: театр — это репертуар, точно подобранная труппа и, говоря нашим языком, стиль игры актера, точно выражающий идею автора.

Великая Октябрьская революция показала, как чутко и радостно воспринял Малый театр ее прекрасные идеи. «Любовь Яровая» Тренева, «Огненный мост» Ромашова, «Богдан Хмельницкий» Корнейчука, «Скутаревский» Леонова

доказали, как, верный традициям Щепкина, Малый театр правдиво и жизненно рядом с классическим репертуаром — Шекспиром, Шиллером, Мольером — отобразил новое время, новых героев.

В тяжкие годы Отечественной войны Малый театр верные, горячие струны подлинного патриотизма нашел в своем творчестве, обратясь к Леонову в «Нашествии», Корнейчуку во «Фронте», к Лавреневу — «За тех, кто в море». Романтика шла рука об руку с жизненной правдой и высоким патриотизмом. И сегодня, опираясь на щепкинские традиции, театр ведет неутомимые поиски современного репертуара, стремится правдиво отображать жизнь советского народа.

вновь читаешь первые главы давно знакомых «Записок актера Щепкина», в каждом эпизоде которых легкой, сверкающей юмор неотрывен от скрытой в подтексте суровой и трезвой мысли, невольно вспоминаешь запечатленный на тропинском портрете зоркий и ясный взгляд Щепкина, а когда переходишь к горьким заключительным главам записок, в памяти встает лицо Щепкина со знаменитого позднего рисунка Тараса Шевченко (им открывается второй том) — скорбное лицо человека, полного сострадания к чужой боли и беде.

Вслед за «Записками» помещены впервые собранные воедино все сохранившиеся письма Щепкина, благодаря этому мы получаем возможность следить за ходом жизни их автора на протяжении многих десятилетий — от его первых победоносных шагов в Москве до тягостных предсмертных дней.

Разумеется, среди двухсот четырнадцати писем есть и та-

кие, которые выполняли функцию нынешних деловых или чисто случайных телефонных звонков. Но, может быть, именно благодаря этим беглым подробностям давно ушедшего быта личность актера встает особенно зримо. В письмах разных лет Михаила Семеновича словно бы остается одним и тем же, и в то же время его образ глубоко меняется. Когда я читала их, мне вспомнились признания А. П. Чехова в том, как ему приходилось по капле выдавливать из себя раба. Как своеобразный пунктир, письма Щепкина передают безостановочный духовный рост и нессякавшую внутреннюю работу этого несокрушимого человека.

Шаг за шагом вчерашний крепостной вырастает в одного из основоположников нашей национальной культуры, становится достойным собеседником и сподвижником Гоголя, вождем русского театра. Подлинной нежностью и уверенностью в безусловном взаимопонимании пленяют обращенные к Щепкину письма его

младших друзей — Белинского и Герцена. И, конечно, особое место занимают хорошо известные каждому актеру ответы Щепкина на письма учеников, заключающие в себе зерно того учения о сценическом переживании и законах построения сценического образа, которое было создано Станиславским, всегда подчеркивавшим «щепкинские» корни своей «системы».

Читая письма, мы знакомимся с женой Михаила Семеновича Еленой Дмитриевной, незаурядной женщиной необыкновенной судьбы и одаренности.

Обширные незаконченные записки Е. Д. Щепкиной, открывающие во втором томе раздел воспоминаний, заметно выделяются на фоне других, помещенных в сборнике интересных документов, не появлявшихся прежде в печати. Этот неприруженный, почти стенографический рассказ о том мире, в котором протекали детство и юность своеобразной и неукротимой сироты-турчанки, читается как остросюжетная по-

весть и запоминается как уникальный исторический документ, воскрешающий подлинные черты давней эпохи и заставляющий заново ощутить ту подпочву, на которой выростал гений Щепкина.

Я не берусь обсуждать специфические проблемы составления и комментирования книги — об этом, безусловно, скажут свое слово наши историки-театроведы. Поделюсь лишь собственными впечатлениями, мнением заинтересованного и преданного театру читателя. Я с искренним увлечением читала включенные в книгу записки устных рассказов Щепкина, сделанные его друзьями Н. А. Некрасовым, Н. М. Сатиным, М. П. Погодиным. Как и «Записки», эти рассказы заставляют ощутить природу наблюдательности Щепкина, его аналитический ум и душевную щедрость, способность разгадывать замысловатые житейские загадки, заражать своим пониманием человеческих поступков и судеб. И поэтому жаль, что за недостатком места (как

оговорено в примечаниях) в этот раздел не могла быть включена восходящая к устному рассказу М. С. Щепкина герценовская «Сорока-воровка». Пусть ее издания широко доступны, но повесть Герцена, мне кажется, осветила бы дополнятельным светом собранные в двухтомнике материалы.

Критические статьи о Щепкине составителям пришлось дать в выдержках. Наверное, при этом использовано все дельное из отзывов прессы, касающееся непосредственно М. С. Щепкина. Но мне иногда недоставало «воздуха» и хотелось узнать, как играли партнеры Михаила Семеновича, как шел спектакль, нравилась ли критика пьеса...

На одной из иллюстраций книги мы видим дом Щепкина, сохранившийся в старом московском переулке. Он упоминается в книге неоднократно. Это тот самый дом, который имел в виду Белинский, когда писал: «Остановлюсь или у своих родственников, или у Щепкиных, которых считаю истинно своими родными в духе». Именно сюда неожиданно для хозяина пришел, чтобы лично познакомиться с ним, Гоголь. Сюда Щепкин перевез шестерых детей рано умершего актера Барсова, своего друга по провинциальным скитаниям.

Мы помним, каким радостным событием в культурной жизни Москвы несколько лет назад было открытие мемориального Музея Марии Николаевны Ермоловой. И как хотелось бы, чтобы к приближающемуся двухсотлетию со дня рождения М. С. Щепкина появился бы в Москве еще один мемориальный музей, который стал бы памятником великому актеру и сделал бы еще более живым и конкретным для нас его бессмертный образ.

Е. ГОГОЛЕВА,
народная артистка СССР,
Герой Социалистического
Труда.